

НАМАНГАНЪ.

(Очеркъ).

Живописно раскинутъ Наманганъ, теперь второй, послѣ Кокана, городъ въ ханствѣ. Находясь въ 15 верстахъ отъ впаденія Гулишана въ Сыръ, онъ тонетъ въ зелени окружающихъ его садовъ, сверкая своими многочисленными минаретами. Двѣ ирригаціонныя каналы: Падша-Ата и Янгерыкъ, питаютъ его поля и сады, составляя сами верхъ труда, до котораго когда-либо достигалъ человѣкъ на этомъ облѣнившемся востокѣ. Спросите напр. любого коканца, сарта, узбека, или даже самаго дикаго киргиза: каковъ Наманганъ? „У! отвѣтятъ вамъ, *чокъ-якши*“ (весьма хорошъ) и прищелкнутъ, по азіатской привычкѣ, языкомъ. Намъ говорилъ одинъ киргизскій *бий* (окружной начальникъ), что это такой городъ, который не обойдти кругомъ въ два дня, что его базаръ несравненно обширнѣе базаровъ Кокана, его мечети великолѣпнѣе ташкентскихъ, его сады... роскошнѣе какихъ нѣтъ и на свѣтѣ. Въ самомъ же дѣлѣ, Наманганъ составляетъ въ окружности верстъ 15 и, что всего удивительнѣе, не имѣетъ, какъ почти всѣ коканскіе города, никакихъ укрѣпленій. Это свободный, мирный, торговый городъ, населенный большею частью узбеками племени Джагатай.

Кривыя и грязныя его улицы сходятся, въ видѣ радіусовъ, къ одной точкѣ — базару. Базарная площадь застроена тремя *караванъ-сараями*: Биги, Дебгизъ и Маулеви, изъ которыхъ каждый представляетъ четыре-угольникъ, обнесенный стѣною съ одними воротами. Въ каждомъ караванъ-сарай внутренняя площадка остается пустою для выгрузки товаровъ, а вдоль стѣнъ придѣланы глиняныя лавки, назначаемыя собственно для пріѣзжихъ купцовъ. Такія лавки устроиваются почти всегда съ *айваномъ* (галлереєю), а если зданіе двухъ-этажное, то айванъ имѣетъ назначеніе поддерживать 2-й этажъ. Съ наружной стороны стѣнъ этихъ караванъ-сараявъ расположены ряды открытыхъ ларей — это лавки мелочныхъ городскихъ торговцевъ. Народъ вѣчно

толпится вокругъ и внутри этихъ торговыхъ центровъ и застѣваетъ въ чайныхъ заведеніяхъ, которыхъ здѣсь не мало. Близъ караванъ-сарая Маулеви стоитъ большая мечеть, сдѣланная изъ обожженного кирпича съ раскрашеннымъ айваномъ. Она обнесена стѣной, къ которой съ внутренней стороны примыкаетъ небольшое строеніе. Тутъ живутъ муллы и помѣщается единственное въ цѣломъ городѣ медресе (училище). Какъ самая мечеть, такъ и медресе содержатся на счетъ доходовъ съ караванъ-сарая Маулеви.

Всѣхъ мечетей въ Наманганѣ будетъ болѣе 100. Замѣчательно, что большая часть ихъ — *Джалы* — соборныя, т. е. такія, гдѣ читаютъ молитву по пятницамъ. Лучшія изъ мечетей слѣдующія: 1) *Алифъ-Ходжа* — кирпичная, оштукатуренная, съ айваномъ и *мембаромъ* — нѣчто въ родѣ открытой каеэды, сложенной изъ глины, откуда муэzzинъ читаетъ обычный призывъ на молитву. Потолокъ въ самой мечети и въ айванѣ выкрашенъ разноцвѣтными красками; крыша плоская, безъ купола. Вокругъ Алифъ-Ходжа построены 8 *фурджей*, или небольшихъ глиняныхъ мазанокъ, гдѣ живутъ муллы и учатъ приходящихъ. На площади предъ мечетью находится *хаусъ* (водоемъ), имѣющій видъ колодца, огражденного тальникомъ. 2) *Азисъ-Ходжа* — также кирпичная мечеть, но безъ айвана; фурджей около нея 15 или 16. 3) *Маулеви-Базаръ-Ахунъ*, выстроенная на самомъ берегу канавы Падша-Ата. 4) *Хальпа-Хуссейнъ*. Наконецъ, 5) *Азисъ-Хальпа* — маленькая изъ кирпича мечеть, едва вмѣщающая въ себѣ до 40 челов.

Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, что въ такомъ не очень большомъ городѣ столь значительное число мечетей. Но эта особенность коканскихъ городовъ, которой вы не найдете въ другихъ ханствахъ Средней Азии, т. е. Хивѣ и Бухарѣ, происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что коканцы любятъ селиться на большихъ пространствахъ. Такъ и въ Наманганѣ: въ немъ сады такъ часты и занимаютъ столь большія площади, что мазанковые (сложенные изъ глины) дома приходится удаленными другъ отъ друга на почтенныя разстоянія. Это-то разбединеніе жилищъ и заставляеть жителей, по врожденной имъ лѣни, имѣть много молеленъ или мечетей.

Главное неудобство наманганскихъ улицъ заключается въ томъ, что онѣ перерыты арыками — канавами, которыя

проведены во все сады. Наружный видъ улицъ непривлекателенъ, потому что красивыхъ домовъ на нихъ нѣтъ, а тянутся все глиняные заборы, между которыми кой-гдѣ торчатъ мазанки, накрытыя плоскими крышами. Только зелень плодовыхъ и тутовыхъ деревьевъ скрываетъ это внутреннее безобразіе города. Но обратимся къ городской жизни.

Центръ наманганскаго движенія — это описанная нами базарная площадь съ тремя караванъ-сараями. Хотя мелочной торгъ производится здѣсь ежедневно, но мы поведемъ съ собою читателя въ одинъ изъ такъ называемыхъ базарныхъ дней, бывающихъ два раза въ недѣлю. Полдень. Въ воздухѣ жарко до духоты, до нестерпимости. Изъ улицъ постепенно прибываетъ народъ къ базару. Вотъ небольшой караванъ, верблюдовъ въ двѣсти, повернулъ во дворъ караванъ-сарая Дегбизъ. Часть толпы хлынула туда, чтобы посмотреть новыя товары и, если возможно, узнать новости. Говоръ и шумъ усиливаются. Около ларей группируются покупатели, рассматривая кушаки, зеркальца, ножи, ножницы, замки, пуговицы, разныя подвѣски и бездѣлушки. Вотъ одинъ, пользуясь дозволеніемъ продавца, чиркнулъ зажигательную спичку: она вспыхнула, загорѣлась и собрала вокругъ себя порядочный кружокъ. Началось жженіе спичекъ, но уже за деньги. Въ другомъ мѣстѣ почти такая же исторія происходитъ съ пружиннымъ волчкомъ. Волчки раскупаются съ неподдѣльною радостью; каждый старается завести ихъ и пустить въ ходъ. Это наши будущіе сосѣди въ Средней Азіи, англичане, насылаютъ сюда всякой дряни, рассчитывая на праздную безпечность и невѣжество коканцевъ. Далѣе у ларей со сладостями, гдѣ навалены кучами виноградъ, кишмишъ (мелкій изюмъ), дыни и проч., стоятъ кучками лакомки и тратятся безрасчетно. Заглянемъ въ чайныя заведенія: тамъ у столовъ сидитъ народъ, усердно предающійся чаепитію. При тѣснотѣ этихъ импровизованныхъ трактировъ (шалашей) воздухъ въ нихъ чрезвычайно спертъ и удушливъ. Тутъ засѣдаютъ бухарцы, хивинцы и туземные жители — по большей части купцы, но разговоры ведутся не все на однѣ торговыя темы. Вотъ образчикъ одного изъ разговоровъ:

- Давно изъ Ташкента?
- Только вчера...
- Ну что тамъ? Какъ хлопокъ?
- Тихо... Ташкентцы... да стоитъ ли объ нихъ гово-

рить! Конечно они теперь не въ нашей волѣ. Но торговля тамъ идетъ хорошо! На дняхъ батманъ (10 пудовъ) хлопка продавали по *пятнадцати* тиллей (червонецъ въ 12 р. 82 коп. ассиг.), и говорятъ, что дойдетъ до двадцати и болѣе. Небывалыя цѣны!

— А что новаго? Гдѣ русскіе?

— Да тамъ кругомъ много русскихъ.

— О, великій Аллахъ! помоги нашему эмиру одержать надъ ними верхъ!

— Какой тутъ верхъ, сказалъ собесѣдникъ, когда ужъ все кончено, и владыка востока заключаетъ съ русскими миръ....

— Правда ли это? Нашъ владыка — да сохранить Богъ его лѣта! — таковъ, что, быть можетъ, онъ только сказалъ, что заключить миръ, но едва ли это сдѣлаетъ скоро....

Между тѣмъ базаръ постепенно оживляется. Толпа пес-трить всевозможными халатами. Бухарскія чалмы, хивинскія бараньи шапки, киргизскія тюбетейки мелькаютъ здѣсь и тамъ... Не красива эта толпа. Крайняя неопрятность и уродливость костюмовъ портятъ все дѣло. Картина теряетъ много и оттого, что на базарѣ видны только одни мужчины, а женщина, если мелькнетъ гдѣ-нибудь, то съ приподнятымъ на голову, вмѣсто покрывала, халатомъ. Впрочемъ, роханки некрасивы, и по своему монгольско-татарскому типу походятъ на киргизокъ.

Съ окончаніемъ базара, прекращается городская жизнь. Зажать солнца возвышаетъ предѣлъ дневныхъ трудовъ, — и какъ только съ мембара раздастся кликъ муэззина, то каждый правовѣрный спѣшитъ къ своей мошлѣ. Ночью, когда нѣтъ луны, городъ покрывается совершеннымъ мракомъ, бо искусственное освѣщеніе улицъ не извѣстно въ Наманганѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ среднеазиатскаго востока.

М. Михайловъ.

ЗАМѢТКИ.

По вопросу о народныхъ школахъ.

Недоразумѣнія!... Чтобы охарактеризовать наше время самымъ краткимъ и мѣткимъ выраженіемъ, нужно назвать его — временемъ недоразумѣній. Недоразумѣнія самымъ нелѣпымъ и роковымъ образомъ спутываютъ все наши понятія и отношенія. Они задерживаютъ или извращаютъ прямой ходъ всякаго зачинающагося дѣла, они вносятъ рознь и разладъ во всякую собирательную общественную единицу, раздѣляютъ двухъ членовъ одного и того же кружка, корпораціи, какъ и всецѣло самые кружки, корпораціи, учрежденія, вѣдомства, сословія. Они господствуютъ въ нашей жизни до того, что чуть ли не имъ иногда мы бываемъ обязаны даже ея хорошими явленіями. „Наши совѣты занимаютъ только тѣмъ, что члены ихъ все вмѣстѣ и каждый порознь мѣшаютъ другъ другу дѣло дѣлать“, замѣтилъ недавно одинъ изъ умныхъ членовъ одного изъ многочисленныхъ нашихъ совѣтовъ. Въ этихъ словахъ, по увѣренію опытныхъ людей, непрерывкаемая правда. А если принять въ соображеніе, что ни одно изъ нашихъ общественныхъ предпріятій не минуетъ попечительной заботливости разныхъ совѣтовъ, и что не мало хорошаго совершилось и совершается на нашихъ глазахъ, то дѣйствительно выходитъ, что даже хорошими явленіями нашей жизни мы бываемъ обязаны недоразумѣніямъ....

Но въ этомъ, разумѣется, мало утѣшительнаго. Если при такомъ общемъ настроеніи возможно одно хорошее явленіе, то рядомъ съ нимъ возможны два никуда негодныхъ. И дѣйствительно жизнь наша преизобилуетъ явленіями второй категоріи. Куда ни обернитесь — вы замѣчаете бездну похвальныхъ стремленій и зачатковъ, а всмотритесь попристальнѣе, прослѣдите подальше въ практику, въ развитіе — и передъ вами нерѣдко раскрывается нѣчто до крайности нелѣпое и безобразное. Недоразумѣніе дѣлаетъ свое дѣло — и наилучшія стремленія разрѣшаются чепухой, и благотворнѣйшіе зачатки вырастаютъ въ какіе-то корявые, бесплодные побѣги.